ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

МАРАТ ГИЗАТУЛИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящей книге представлен фрагмент биографии Булата Окуджава (сороковые годы XX века). Этот период почти совсем не изучен, хотя описанные годы были очень важными в становлении Булата Окуджава как писателя.

•

Книжка уже была подписана к печати, когда убили Сергея Юшенкова. Сергей Николаевич очень любил Булата Окуджава и Булат Шалвович платил ему искренней симпатией. Булат Окуджава с юмором рассказывал Сергею, как сам чуть не стал кадровым военным После смерти Булата Сергей Юшенков помогал в открытии Народного музея поэта в Переделкине...

Светлой памяти Сергея Николаевича Юшенкова я хочу посвятить эту работу.

ISBN 5-89467-011-X

Марат Гизатулин

ЕГО
УНИВЕРСИТЕТЫ

МОСКВА
“ЮПАПС”
2003

...Воевать Булату пришлось недолго. Но за это время он сполна узнал, что такое война. Совсем не такой она представлялась ему, когда мальчишкой, на арбатском дворе он горячо обсуждал со своими сверстниками военные действия в Испании. Они мечтали поскорее попасть туда, чтобы драться с фашистами за счастье трудового народа. Они хотели попасть в один танковый экипаж.

А уж когда война пришла в родной дом, тут уж и речи не могло быть, чтобы оставаться в стороне. Правда, теперь Булат жил уже далеко от любимого Арбата, в Тбилиси, в семье своей тети. Квартира в двухэтажном доме на улице Грибоедова раньше принадлежала родителям Булата, но после их ареста в ней стала

жить старшая сестра матери Булата Сильва.

...Шалва Степанович Окуджава был арестован 3 февраля 1937 года. На следующее утро Булат, как обычно, пошел в школу, но там его встретили криками «троцкист» и он в слезах прибежал домой. Так он узнал, что теперь он сын не видного коммуниста, а врага народа. Газеты пестрели сообщениями о раскрытии «Уральского повстанческого штаба», куда, якобы, входил почти весь партактив Свердловской области. Для расследования из Москвы была послана комиссия из старых коммунистов, членов ЦК. Комиссия ничего не нашла, чем подписала себе смертный приговор. Вы-

ступил Молотов и заявил, что это преступная ошибка, что центр существует. Всю комиссию расстреляли.

Шалва мужественно перенес все пытки, никого не оговорил и вину свою не признал.

«Убили моего отца
Ни за понюшку табака,
Всего лишь капелька свинца
- Зато как рана глубока!
Он не успел, не закричал,
Лишь выстрел треснул в тишине,
Давно тот выстрел отзвучал,
Но рана та еще во мне».

После ареста отца семья вернулась в Москву, и мать ходила по разным инстанциям в поисках справедливости. Была она и у Берия. Она сказала: «Ты же хорошо знаешь Шалву, ты же знаешь, что он не враг, заступись за него». После этого, в феврале 1939 года, была арестована и мама Булата, Ашхен Степановна Налбандян.

Булат тяжело переживал арест родителей. Он не мог понять, как могло получиться, что его родители, пламенные революционеры, оказались предателями. Он не допускал возможности ошибки со стороны НКВД - наши чекисты не могут ошибиться. Выходит его мама и папа действительно «враги народа»?! Жить с такой мыслью было невозможно. Хорошо, что он не знал, что его отца уже нет в живых. Булат мучительно искал объяснение случившегося, пока не решил, что его родителей, по всей видимости, послали куда-то с секретным заданием, а для конспирации объявили врагами народа. Это объяснение помогло не сойти с ума. Это был первый жестокий урок, преподанный ему страшным веком.

Булат и его четырехлетний братишка Витя остались в Москве с бабушкой Марией, маминой мамой. Жили нелегко, впроголодь. Булат совсем отбился от рук: начал курить, пить, связался с хулиганами. Бабушка уже была не в силах управляться с внуком. И тогда тетя Сильва, старшая дочь Марии, забрала Булата к себе в Тбилиси. В Тбилиси его определили в русскую школу №101.

Из Москвы ДОХОДИЛИ вести, что многие ребята из его арбатского двора, те, что были постарше, уже ушли на фронт. Некоторые из них уже погибли, но тогда Булат этого не знал. Отсиживаться в тылу в такое время было никак невозможно. Булат СО СВОИМ другом Юрой Папинян-

цем пошли в военкомат с просьбой отправить их на фронт.

Мария Налбандян с внуком Виктором Окуджава Степан и Мария Налбандян с сыном Рафиком и внучкой Луизой (дочерью Сильвии)

В военкомате им сказали, что они не вышли возрастом и посоветовали сначала окончить школу. Но о какой школе может идти речь, когда вся советская страна в едином героическом порыве борется с ненавистным врагом! Как можно ходить в школу, когда война вот- вот кончится, и они не успеют внести свой вклад в копилку общей победы! Булат бросает школу и устраивается на завод учеником токаря. На заводе делают огнеметы для фронта. Работа продолжалась по 14-16 часов в сутки.

В один из дней в доме появился младший брат мамы Булата дядя Рафик. Он был призван в самом начале войны, и сейчас его часть оказалась в Тбилиси. Рафик решил воспользоваться передышкой и прогуляться по родному городу в штатском. Как только он ушел, Булат мигом натянул на себя его солдатскую форму и бросился на улицу. Ему хотелось пройтись по городу в военной форме.

«Просто так идти не хотелось - я ударил строевым и так строевым прошел до самых Сололак, козыряя военным и счастливо избежав патрулей...».

Булат был счастлив.

Он с Юрой продолжал ходить в военкомат. Теперь их больше не гнали. Для них нашлось дело - разносить повестки другим. Они ежедневно разносят их по разным адресам и продолжают упрашивать военкома отправить их на фронт. К большому удивлению Булата, в домах их встречали не с радостью, а со слезами. А ему-то казалось, что все с таким же нетерпением ждут

вызова в военкомат, как ждал этого он.

Наконец, когда терпение военкома лопнуло, им было велено самим заполнить себе повестки. Ка питан сказал, что греха на душу не возьмет, своей рукой выписывать им повестки не станет и выдал бланки. Юра заполнил повестку Булату, а Булат Юре.

Булат примчался домой и с нетерпением стал ждать, когда его друг принесет ему повестку.

«Я ворвался в дом и сел у окна, посвистывая. Душа ликовала, коленки дрожали, на вопросы домашних отвечал невпопад».

Сильвия с дочерью Луизой и племянником Булатом
задолго до описываемых событий

Когда выяснилось, что это ему принесли повестку, Булат, с трудом скрывая радость, сказал, ну что ж, дескать, делать нечего, за

бирают на фронт. Тетя Сильва (которая была ему теперь вместо отца и матери) радости его не разделила. Она страшно расстроилась. Она кричала, что они не имеют права, что ему еще нет восемнадцати лет, что она пойдет в военкомат и разберется с ними. Тетя была очень сильным человеком, она могла убедить в своей правоте любого, и в этот раз она сделала все, чтобы отговорить любимого племянника от опрометчивого поступка, но здесь она оказалась бессильной. Булат сказал, что если она вздумает пойти в военкомат, он убежит из дома.

Так в апреле 1942 года началась военная биография Булата Окуджава. Новобранцев собрали на вокзале и повезли в Кахетию. Мест в вагоне не было, и Булат с Юрой ехали на крыше. Прибыли на место, в расположение 10-го отдельного запасного минометного дивизиона и приступили к учениям.

С раннего утра и до позднего вечера их обучали минометному делу. Булату учеба давалась трудно, сначала у него ничего не получалось. Единственное, что у него сразу хорошо выходило, это пение, и его назначили запевалой учебной батареи.

Новобранцы с нетерпением ждали отправки на фронт. Кроме героических порывов, были у этого нетерпения и другие причины. Кормили в дивизионе очень плохо и новобранцы надеялись, что на фронте кормежка будет лучше. Да и ежедневная муштра порядком надоела.

Наконец, в один прекрасный день их посадили в новенькие американские «студебеккеры» и отправили на Северо-Кавказский фронт.

«...Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,
Десятый наш десантный батальон...»

Начались фронтовые скитания Булата.

«Это была Отдельная минометная батарея, которая придавалась разным частям. Вот мы едем-едем, нас должны придать такому-то полку. Приезжаем, оказывается, там уже батарея есть. Потом несколько дней ждем, потом нас отправляют в другое место. Опять эшелон, опять придают какому-то полку. Придали, оказывается, у нас нет довольствия. Все жрут, а нам есть

Булат в работе над фильмом “Женя, Женечка и Катюша ” 1967г. (реж. Владимир Мотыль)

нечего. Что делать? И командир нам как-то говорит, что надо самим еду доставать. Мы по парам разделились и поилли по разным кубанским селам просить милостыню. Кто что давал. В казарме все это раскладывали на одинаковые кучки. Потом один отворачивался: Кому? - Тому. Так питались и командиры и мы».

Их батарею направили под Сталинград, но до Сталинграда они не доехали, в дороге их передислоцировали и перебросили под Орджоникидзе, где шли сильные бои. Потом их отправили под Моздок, где 16 декабря 1942 года Булат был тяжело ранен.

« ...Пустяковое облачко
немецкой шрапнели,
и меня санитары выносят из боя
На моей,
продырявленной смертью, шинели»

Булат с мамой

«Помогите мне. Спасите меня. Я не хочу умереть. Маленький кусочек свинца в сердце, в голову - и все? И мое горячее тело уже не будет горячим?.. Пусть будут страдания. Кто сказал, что я боюсь страдать? Это дома я многого боялся. Дома. А теперь я все уже узнал, все попробовал. Разве недостаточно одному столько знать? Я ведь пригожусь для жизни. Помогите мне. Ведь это даже смешно - убивать человека, который ничего не успел совершить. Я даже десятого класса не кончил. Помогите мне. Я не о любви говорю. Черт с ней, с любовью. Я согласен не любить. В конце концов, я уже любил. С меня хватит, если на то пошло. У меня мама есть. Что будет с ней?.. А вы знаете, как сладко, когда мама гладит по голове? Я еще не успел от этого отвыкнуть. Я еще нигде толком не побывал. Я, например, не был еще на Валдае. Мне ведь нуэюно посмотреть, что это за Валдай? Нужно? Кто-то ведь

написал: «...И колокольчик - дар Валдая...». А я даже таких строчек написать не смогу. Помогите мне. Я все пройду. До самого конца...»

Еще до ранения Булат сочинил свою первую песню. Однополчанам она понравилась, и они ее пели хором. От нее осталась только первая строчка: «Нам в холодных теплушках не спалось...». Да и эта строчка выплыла случайно, когда лет двадцать пять тому назад в «Комсомольскую правду» пришло письмо от ветерана войны, который услышал по радио фамилию Окуджава и спрашивал, не тот ли это Окуджава, что воевал с ним в одном полку. Далее он писал, что этот самый Окуджава сочинил на фронте песню, строчку из которой он и процитировал. Что это была за песня, нам, видимо, не дано уже узнать. Свидетелей тех событий, наверное, не осталось...

...После нескольких месяцев госпиталей Булат попадает в запасной полк под Гори. Эти несколько месяцев в запасном полку были ужасными; солдат почти не кормили. Но в один прекрасный день их мучения закончились. Собрали их, оборванцев-доходяг, выдали новую форму и маршевой ротой отправили на Малую Землю, под Новороссийск. Однако до Малой Земли они не доехали. В дороге они во главе с командиром столь бурно праздновали отправление на фронт, что когда маршевая рота добралась до Батуми, она снова была толпой оборванцев, вдобавок ко всему еще и пьяных. Новое обмундирование было пропито. Всех арестовали, долго держали в карантине, собираясь отдать под трибунал, но в конце концов вновь приодели и отправили обратно в запасной полк. Отсюда Булата завербовали в артиллерийскую часть резерва главного командования. Он стал радистом тяжелой артиллерии.

Булат сполна познал все «прелести» окопной жизни. Раньше, в мечтах, война представлялась возвышенной и праздничной. На деле оказалась, что на войне холодно, голодно и страшно...

«Я познакомился с тобой, война. У меня на ладонях большие ссадины. В голове моей - шум. Спать хочется. Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык? Ты хочешь научить меня подчиняться тебе беспрекословно? Крик командира - беги, исполняй, оглушительно рявкай «Есть!», падай, ползи, засыпай на ходу. Шуршание мины - зарывайся в землю, рой ее носом, руками, ногами, всем телом, не испытывая при этом страха, не задумываясь. Котелок с перловым супом - выделяй желудочный сок, готовься, урчи, насыщайся, вытирай ложку о траву. Гибнут друзья - рой могилу, сыпь землю, машинально стреляй в небо, три раза... Я многому уэюе научился. Как будто я не голоден. Как будто мне не холодно. Как будто мне никого не жалко. Только

спать, спать, спать...»

Когда его часть перевели в Нагорный Карабах, поблизости оказалось пехотное училище, которое набирало курсантов. Булат захотел стать бравым офицером. Это уже совсем другая жизнь... И учиться недолго, полгода - и ты офицер.

Ему хватило трех месяцев, чтобы понять, что военная карьера не для него. Но как теперь быть, что делать? И он решается на отчаянный шаг.

«Иду к замполиту; разрешите доложить: 'так, мол, и так, отец мой арестован, враг народа. Он говорит, сын за отца не отвечает. Я говорю, я знаю все, но на всякий случай, чтобы вы не сказали, что я скрыл. Молодцом, - говорит, - правильно сделали. Идите, работайте спокойно. И я с горьким сердцем пошел работать спокойно. На следующее утро построение после завтрака, Окуджава, Филимонов, Семенов выйти из строя, остальным - направо, на занятия шагом марш! И все пошли. А нам - продаттестаты и назначение в артиллерийскую часть, из которой меня переманили».

Через некоторое время у Булата открылась рана, его положили в госпиталь и, после трехмесячного пребывания в госпитале, Булата комиссовали. В ноябре 1943 года, Булат снова оказывается в Тбилиси.

« Что же касается победы, то, хотя я и не совершил ничего героического и, наверное, был неважным солдатом, особенно рядом с другими замечательными воинами, все-таки живет во мне уверенность, что без меня победа досталась бы труднее»

Уроки войны оставили глубокий след в душе Булата на всю жизнь. В его творчестве военная тема всегда будет занимать значительное место. Кроме того, через всю жизнь он пронес какое-то чувство вины за то, что он остался жив, что не погиб вместе с другими, многими...

«... Смерть прошла.
Я не столкнулся с нею.
Где пути ее -
не угадать:
завела судьба на батарею,
не рискуя время коротать.

И другие падали у дотов, и, седую пыль полей клубя, день и ночь упрямая пехота под огонь шагала за тебя...»

Через пятнадцать лет после этого стихотворения Булат вернется к этой теме:

«...Когда на земле бушевала война и были убийства в цене, он

раной одной откупился сполна от смерти на этой войне...»

И еще через пятнадцать лет, уже незадолго до смерти, он, наконец, найдет объяснение, для чего именно он остался жив:

«...Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня!
Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня.
И так все сошлось, дорогая: наверно, я там не сгорел,
чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то, что другой не успел».

Булат одним из первых наших писателей найдет для определения войны совсем новые, неприемлемые для советского официоза слова: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...». В Советском Союзе войны делились на «справедливые» и «несправедливые». «Справедливые» войны было принято воспевать и восхвалять и война, с которой вернулся Булат, получила название Великой. Булат никогда ее так не называл, он нашел для войны другой эпитет: «подлая». И в стихах, и в повести «Будь здоров, школяр» Булат описывал войну такой, какой он ее увидел семнадцатилетним мальчишкой, без прикрас. Это очень не понравилось нашим идеологам. На Булата обрушился град ругательств:

«Скверные идеи, неприглядный герой, убогонькая концепция повести Б. Окуджавы.

...картина войны получилась глубоко неправдивой, потому что из нее противоестественно выпал народный героизм, народная мужественность».

(Л. Новиченко)

«...Вот такую бесхвостую обезьяну и преподнес нам вместо общественного человека, вместо юноши-воина Булат Окуджава».

(Ал.Дымшиц)

...Но вот, война для Булата закончилась, нужно было окончить школу, ведь Булат ушел на войну, недоучившись. Булат поступает в экстернат в десятый класс. Одновременно он устраивается рабочим сцены в Театр юного зрителя.

До войны, когда Булат учился в девятом классе, русскую литературу у них преподавала замечательная учительница Анна Аветовна Малхаз. Анна Аветовна обожала свой предмет и своих учеников, часто приглашала их к себе домой, они пили чай и разговаривали о литературе. Муж ее был репрессирован, поэтому всю душу она отдавала своим ученикам. Она организовала в школе драмкружок, участники которого после начала войны выступали в госпиталях перед ранеными. Булата мало интересовал драмкружок; однако с появлением там Антинаб Мелик-Пашаевой, красивой девочки с очень выразительным лицом, в которую Булат был влюблен, он тоже решил записаться.

Вот как, много лет спустя, вспоминал об этом школьный друг Булата Зураб Казбек-Казиев:

«Булат пришел из-за Наты, он пришел не для того, чтобы заниматься сценическим искусством, он просто пошел из-за того, что там была его любовь. Очень всё просто объясняется. Он играл далеко не первые роли. Тогда я был на первых ролях, а он был на последних. Потом мы обменялись местами».

Зураб приехал в Тбилиси летом 1941 года, когда началась война. Булат с Зурабом быстро подружились, несмотря на то, что учились в разных классах. Видимо их влекло друг к другу то, что оба они в прошлом были москвичами. Судьбе было угодно распорядиться так, что они стали очень близкими друзьями на всю жизнь, а в последние годы жизни Булата Шалвовича они даже жили в

Москве по соседству и часто ходили друг к другу в гости, чуть ли не в домашних тапочках.

З.А. Казбек-Казиев в народном музее Булата Окуджава в Переделкине 4.04.99 г.

Зураб вспоминает о тбилисской юности:

«Мы часто собирались вместе по разным поводам. Тогда уэ/се стало голодно жить, но было много девочек и мальчиков, которые хотели как-то общаться, вино стоило копейки, ведь вывоза уже не было, и если были винегрет и лобио, то случался большой кутеж. Булат был неизменным участником этих кутежей. Мальчиков было мало, они все были нарасхват, а так как Булат еще и пел, он неизменно становился душой компании. Плюс к этому - доброта характера прирожденная. Булат был веселым, жизнерадостным, он всем нравился. Многие знакомые просили меня привести его в компанию. Булат тогда еще пел не свои песни, гитару он тоже взял немножко позже, но слух у него был замечательный. Аккомпанировали другие, но запевалой всегда был он».

К слову сказать, Булат пел тогда не только песни. Он с детства знал наизусть целые оперы и часто напевал арии из них своим друзьям, неизменно приводя их в восторг. На этих вечеринках его часто просили спеть арию Каварадосси из оперы «Тоска», о чем сам Булат вспоминал с улыбкой спустя много лет.

В драмкружке быстро проявились артистические способности Булата. Вскоре он стал играть главные роли.

З.Казбек-Казиев:

«У него было одно блестящее качество - он пел, пел божественно. Этот голос, который вы сейчас слышите, этот голос немножко позже у него стал, а тогда был - просто божественный.

Удивительно, когда он запевал, то все смолкали».

И вообще, Булат был очень музыкальным человеком. Как никто другой он мог извлекать музыку из любого подручного предмета, даже из простой расчески. Когда в начале тридцатых годов семья жила в Тбилиси, мама часто после работы водила Булата в театр оперы и балета, благо он был недалеко от дома. В короткое время он пересмотрел

весь оперный репертуар, и сам во дворе с ребятами разыгрывал полюбившиеся оперы.

Театр оперы и балета в Тбилиси

Видимо, он унаследовал музыкальные способности от своего отца, Шалвы Степановича, который почти всегда что- нибудь напевал или насвистывал.

«Он был худощав и насвистывал старый, давно позабытый мотив, и к жесткому чубчику ежеминутно его пятерня прикасалась.

Он так и запомнился мне на прощанье, к порогу лицо обратив,

А жизнь быстротечна да вот бесконечной ему почему-то казалась»

Так что все последующие через много лет его заявления перед концертами, что он, дескать, не певец, не гитарист, не композитор, мягко говоря, не вполне соответствуют истине. Может быть не гитарист, но Певец, но Композитор!..

Недаром через два года после смерти Булата Окуджава в серии «Золотые голоса России», наряду с марками, посвященными Леониду Утесову, Лидии Руслановой, Марку Бернесу, Клавдии Шульженко

была выпущена в свет и почтовая марка, посвященная Булату Окуджаве.

Хотя, что касается гитары, замечательный певец и гитарист Дмитрий Межевич говорит, что было что-то и в игре на гитаре Булата Окуджава такое, чего нет у многих других, хорошо владеющих техникой игры на гитаре.

...Еще тогда, до войны, занимаясь в драмкружке, Булат твердо решает стать артистом.

И вот, проработав некоторое время в ТЮЗе рабочим сцены, Булат поступает статистом уже в тбилисский Театр русской драмы.

«Но там я недолго продержался, потому что однажды я играл

роль милиционера, охранявшего подсудимого, а подсудимый был народный артист Брагин такой, и он шепотом мне рассказывал анекдот, и я на весь зал захохотал, и меня уволили».

Все это время Булат продолжает писать стихи.

До войны в Союзе писателей Грузии существовало литературное объединение, в котором собирались молодые писатели, и руководил которым старый поэт Владимир Эльснер. Он был хорошим наставником, знакомил молодых писателей с настоящей литературой, учил бережному отношению к слову. Его в Тбилиси многие знали и любили, хотя после его смерти, последовавшей через четверть века после описываемых здесь событий, в 1964 году, разразился страшный скандал, связанный с его похоронами. Эльснер был большим женолюбом, и когда комиссия по организации похорон собрались захоронить его в новом пантеоне, приверженцы строгой морали восприняли это как личное оскорбление.

Споры вокруг покойного продолжались несколько дней, пока вдова не переложила его тело в цинковый гроб, и не увезла его из Тбилиси. Владимир Юрьевич Эльснер был похоронен на кладбище в Переделкине, неподалеку от могилы Пастернака.

Когда началась война, объединение при Союзе писателей прекратило существование и на смену ему появилось другое - «МОЛ» - «Молодое общество литераторов». Руководил объединением заведующий отделом партийной жизни газеты «Заря Востока» Георгий Владимирович Крейтан. Когда-то Крейтан был по- этом-акмеистом и даже был как-то обруган Маяковским. Редакции газеты располагалась в центре города, на проспекте Руставели. Когда Булат появился в этом объединении, там уже были свои «маститые» авторы, которые пришли в новое объединение еще из эльснеровского, довоенного. Среди этих «маститых» выделялись лучший поэт объединения Густав Айзенберг и лучший прозаик Николай Шахбазов. Практика приема новых членов была такова: соискатель приносил свои труды, и после ознакомления с ними его приглашали и устраивали разбор его творчества. Булат принес свои стихи и стал ждать следующего заседания.

«Молодое общество литераторов» 1943. Стоят: Борис Резников, Густав

Айзенберг, Сергей Шенгер, Николай Шахбазов. Сидят: Моника Качарава, Тадеус Мелик-Бархударян, Этери Гугушвили, Виль Орджоникидзе.

«...Явсе неспроста это, милая, высказал,
Свое постоянство считая по зимам.
Когда вы глядите бесцельно и искоса,
То холод становится невыносимым.
Как будто, примчасъ с Заполярья далекого,
Здесь ветер раскинул промерзшие крылья,
/fax будто в моем прокуренном логове
Остатки костра покрываются пылью.
Но если к плечу голова ваша клонится
И лижется в щеку каштановой прядью,
Тогда мне не надо ни дома, ни солнца,
Ни всей бестолковости этих понятий.
Какое безумство - любить до отчаянья!
Какое блаженство на кресле плетенном
Внимать вам, когда появившись случайно,
Мурлычите, словно пригретый котенок!
И зная, что в этом мурлыканье кроется,
Какие под шерсткой припрятаны когти,
Я все ж не усну; если с вами бессоница,
Я даже примчусь, если вы позовете.
Но знайте, родная, что хуже, чем бедствие,
Чем боль, раздирающая на части,
Такое, казалось, простое соседство
Со мной, прозевавшим нежданное счастье».

На следующем заседании все дружно принялись громить стихи Булата. И не потому, что стихи не понравились. Стихи понравились, и понравились настолько, что сегодня эти стихи, никогда нигде не публиковавшиеся, помнит наизусть участница тех событий Коммунелла Моисеевна Маркман. Помнит, несмотря на прошедшие с того дня шестьдесят лет, вместившие в себя двадцатипятилетний приговор суда, годы лагерей, смерть близких людей... А еще по поводу этих строчек в 1949 году в Орточальской тюрьме в своей записке, переданной через «баландера» (надзиратель, разносящий баланду) и адресованной Елке (так друзья звали Эллу Маркман), сидящей в соседней камере, их общий друг Лев Софи- аниди писал: «...Я еще в 1942 году сказал Булату, что строчки, которые ты цитировала, лучшее, что есть у него». Кстати, в это же время в этой же тюрьме сидел и бывший одноклассник Елки Сергей Параджанов, правда, не по политической статье, а по бытовой.

“МОЛ” 1944 г. Стоят: Гмя Маргвелашвили, Борис Резников,
Густав Айзенберг, Орджоникидзе, Тадеус Мелик-Бархударян.

Сидят: Седа Григорян, Элла Маркман, Горгий Владимирович Крейтан, Галя Миндадзе (будущая жена Анатолия Гоебнева), Нана ГОренбург.

торые ты цитировала, лучшее, что есть у него». Кстати, в это же время в этой же тюрьме сидел и бывший одноклассник Елки Сергей Параджанов, правда, не по политической статье, а по бытовой.

Итак, стихи были вовсе неплохие, и погром объясняется вовсе не их качеством, а тем, что незадолго до злополучного для Булата заседания Булат познакомился с девушкой, которую звали Моника Качарава. До этого она дружила с другим юношей, но предпочла Булата. Пострадавшего юношу звали Густав Айзенберг. У «Густика», как его звали друзья, в школьной тетрадке сохранилась дневниковая запись о той обиде. «Сейчас тебя провожает этот заносчивый мальчик Булат Окуджава», - с горечью пишет он, обращаясь к своей подруге.

Знакомство Булата с Густавом Айзенбергом состоялось задолго до встречи в этом литобъединении. «Густик» в детстве дружил с дочерью тети Сильвы Луизой Налбандян. В их доме он и познакомился с двоюродным братом Луизы («Люлюшки», как все ее называли) Булатом.

...Прошло много лет и вот, на банкете в ленинградском Доме Кино по случаю премьеры фильма «Июльский дождь» сценарист этого фильма Анатолий Гребнев и Булат Окуджава предаются воспоминаниям. Булат:

- Как ты ругал мои стихи! Ты помнишь?

- Клянусь, нет!

- Да? А я запомнил. Ты мне причинил боль...

Антатолий Гребнев

Тогда «Густик» (а это был именно он, псевдоним «Анатолий Гребнев» появился у Густава Айзенберга после переезда в Москву), напомнил Булату об уведенной девушке, но тот совершенно не помнил этого эпизода.

«...сам Булат впоследствии отрицал этот факт, девушки по имени Манана даже не помнил, уж тем более не отбивал».

(А.Гребнев. Записки последнего сценариста) Какое, все-таки, интересное свойство человеческой памяти - избирательность: Окуджава не помнит отбитой девушки, но хорошо помнит, как ругали его стихи, а Гребнев - наоборот!

Как бы там ни было, тогда, в 1943, «МОЛовцы» оказали Булату столь неласковый прием именно из солидарности со

своим другом Густавом Айзенбергом.

Из этого объединения вышло много талантливых писателей. Кроме упоминавшихся уже Анатолия Гребнева и Николая Шахбазова это прозаик Федор Колунцев (тогда Тадеус Мелик-Бархударазвали «Тодиком»), литературовед и переводчик Гия Маргвелашвили, драматург Юлиу Эдлис.

Федор Колунцев Юлиу Эдлис

Из всех перечисленных, сегодня., к сожалению, в живых остались только Николай Григорьевич Шахбазов и Юлиу Филиппович Эдлис. 19 Июня 2002 года трагически погиб Анатолий Гребнев. Возле Дома ветеранов кино «Матвеевское», где он жил в последнее время, его сбила машина.

Кроме «МОЛа», был еще один поэтический кружок в Тбилиси - “Зеленая лампа”. Собственно, он возник в противовес «МОЛу», организовал его Рома Чернявский, которого в «МОЛе» тоже встретили прохладно (он пришел вместе с Булатом). Собирались дома у Ромы. Бывал там и Булат, бывал там и Юлик Эдлис. Правда, они были там раз или два. В «Зеленой лампе» обсуждали не только литературные произведения, но и произведения Маркса, Энгельса, Сталина. Спорили о материализме и идеализме, Канте, Гегеле и Фейербахе. Булата философия не интересовала.

Тогда же Булат познакомился с Александром Цыбулевским, который делал только свои первые шаги в литературе и ни в какие кружки не входил. Саша был юношей очень начитанным и грамотным, и он оказал огромное влияние на становление Булата как литератора, несмотря на то, что Булат был старше на четыре года. К тому же, Саша уже и сам писал стихи, причем хорошие. До встречи с ним поэтическими кумирами Булата были Долматовский и Сурков.

«Первым, главным моим другом, самым близким человеком, который много тайн поэтических передо мною раскрыл, был Александр Цыбулевский - очень талантливый, просто колоссальной одаренности поэт, прозаик, литературовед. Вот он-то по-настоящему открыл мне - в прозе Пруста, Кафку,

Булат Окуджава, 1944 г.

Хемингуэя, в поэзии Пастернака, Заболоцкого, Ахматову...».

Впрочем, на самого Цыбулев- ского большое влияние оказала Элла Маркман. Она открыла ему поэтов Серебрянного века, правила его первые стихи.

Булат сдал экзамены и получил аттестат. До поступления в высшее учебное заведение оставалось время, и тетя Сильва решила послать его похлопотать о тех двух комнатах арбатской квартиры, в которых он жил когда-то со своими родителями. Так в 1945 году Булат после пятилетнего перерыва побывал в Москве. Тетя Сильва собиралась переезжать из Тбилиси в Ереван. Для этого она хотела обменять их тбилисскую квартиру на квартиру в Ереване. А Булат, предполагалось, переедет в Москву в свое довоенное жилье.

Когда в 1922 году родители Булата приехали из Тифлиса в Москву, им были выделены две комнаты в разных концах коридора большой коммунальной квартиры в доме №43 по улице Арбат. После ареста родителей Булата и отъезда из Москвы в 1941 году бабушки Марии с маленьким Витей эти комнаты стояли закрытыми, и их судьба теперь была неизвестна - в любой момент их могли заселить новыми жильцами или уже заселили. Сильва рассчитывала, что Булату, как фронтовику, оставят хотя бы одну комнату. Этим надеждам не суждено было сбыться.

Жилплощадь в Москве Булат не отвоевал, зато познакомился с девушкой Валей и увлекся ею. Как знать, может быть и комнаты не пропали бы, если бы Булату было время ими заниматься. А Валя как-то, по прошествии многих лет, напомнила ему о себе по телефону. «Как ты? Где?» - спросил ее Булат. «Да ты видишь меня каждый день по телевизору» - засмеялась она. Валя была уже знаменитой на всю страну телезвездой. За прошедшие со времени их знакомства годы она изменилась внешне и поменяла фамилию, поэтому Булат, видя ее на экране телевизора, не думал, что это та самая Валя, с которой он был знаком в 1945 году. Теперь ее звали Валентина Михайловна Леонтьева.

Валентина Леонтьева

Несмотря на то, что в Москве Булату остаться не удалось, Сильва все-таки переехала в Ереван, разменяв их тбилисскую квартиру. А Булату сняли полуподвальную комнату на той же улице Грибоедова. Сильва забрала с собой и младшего брата Булата Виктора. Булат остался один.

Виктор и Булат Окуджава

В том же знаменательном 1945 году произошло еще одно важное в жизни Булата событие. Впервые его стихи были опубликованы. В газете Закавказского военного округа было напечатано его стихотворение «До свидания, сыны», которое было

подписано псевдонимом «А. Долженов».

«Я принёс туда лирические стихи, но мне сказали, что нужны стихи о демобилизации. Я прибежал, как сумасшедший, домой и двое суток сочинял какую-то чушь невероятную, и потом прибежал туда, краснея, сунул... А это была газета, им важно было, что на тему, - они взяли и опубликовали. Моей радости не было предела - я опубликовался! Я накупил 50 экземпляров, дарил всем друзьям, мальчикам и девочкам. Мои друзья смотрели на меня с восхищением».

После этого в короткое время в этой же газете были напечатаны еще несколько стихотворений, подписанных тем же псевдонимом.

Стихи он писал уже очень давно. И даже пробовал писать прозу. В детстве он с упоением писал роман почему-то о китайских коммунистах. В романе, который назывался «Ю-Шин доброволец», главный герой боролся за освобождение рабочего класса от империалистических угнетателей. Булат воспитывает свою волю, заставляя себя каждый день писать по одной странице, не больше и не меньше. Если слово не умещалось на листе, он оставлял его на завтра.

А когда Булат с родителями жил на строительстве Уральского вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле, где его отец был парторгом стройки, на стройку как-то приехал молодой, но уже знаменитый писатель Александр Авдеенко. Первый роман Авдеенко «Я люблю» очень понравился Максиму Горькому, и теперь молодой писатель ездил по стране в поисках материала для нового романа. Писателя принимала семья Окуджава.

Поселили его в отцовском кабинете. Булат из любопытства зашел как-то к нему и увидел на столе лист бумаги с написанной одной фразой: «Мне девятнадцать лет».

Вскоре Булат, в гостях у начальника строительства вагоностроительного завода на вопрос, кем он хочет стать, когда вырастет, отвечает:

- Писателем.

- Что же ты пишешь ?

- Роман.

- И о чем же ? - спросил пораженный начальник стройки.

- Так, вообще, ...о разном... - замялся Булат и добавил: - Первая строчка такая: «Мне одиннадцать лет»...

Теперь, после первой публикации, Булат окончательно решил посвятить себя литературе и поступать на филологический факультет Тбилисского государственного университета.

Александр Авдеенко

Его, как вчерашнего фронтовика, легко приняли. В автобиографии он скрыл, что его родители репрессированы и члены приемной комиссии этого не заметили, а скорее, не захотели замечать, ведь фамилия Окуджава была хорошо известна в Грузии.

Юношей в университете было немного, а уж на филологическом факультете и подавно. Вместе с Булатом в университет поступили и знакомые ему уже Александр Цыбулевский и Лев Софианиди. В университете у Булата, кроме Александра Цыбулевского и Льва Софианиди появляется новый товарищ по поэтическому ремеслу, Алексей Силин.

Молодые поэты часто собираются у Булата дома, читают стихи, обсуждают, спорят. У Булата в комнате была настольная лампа с соломенным абажуром и по аналогии с пушкинской «Зеленой лампой» и с «Зеленой ампой», собиравшейся в квартире Ромы Чернявского, они называли свое «общество» «Соломенной лампой».

Булат все больше охладевает к учебе в университете. Он твердо решает связать свою жизнь с литературой и хочет бросить университет и поступить в Литературный институт в Москве. Но тут в жизни Булата произошла встреча, не только запомнившаяся ему на всю жизнь, но и сыгравшая в его судьбе немалую роль.

В Тбилиси приезжает обожаемый ими, начинающими поэтами, Борис Пастернак. Он остановился в гостинице «Тбилиси». Булату

и его друзьям А.Цыбулевскому, Л.Софиа- ниди и А.Силину посчастливилось с ним встретиться. Борис Леонидович был тогда в опале, настроение у него было подавленное, и он слушал их стихи совершенно невнимательно, думая, видимо, о чем-то своем. Потом они разговорились, и Булат поделился с Пастернаком своими планами поступления в Литературный институт.

Борис Пастернак

Дело в том, что в том же 1945 году, когда Булат поступил в университет, многие его знакомцы из «МОЛа» поехали учиться в Москву. Густав Айзенберг и Сергей Шенгер поступили на сценарное отделение в ГИТИС, а Тодик Мелик- Бархударян, Виль Орджоникидзе, Гия Маргвелашвили поступили в Литературный институт. Всех их тогда в Москву «притащил» Николай Шахбазов, который учился в Литературном институте еще с довоенного времени и теперь вернулся в него, как только институт возобновил свою работу после эвакуации.Юрий Трифонов в своих воспоминаниях о Литературном институте называет приехавших

тогда «грузинским десантом сорок пятого года». Юрий Трифонов писал о Виде Орджоникидзе (к сожалению, рано умершем) и Тодике Бархударяне (приставка Мелик в Москве куда-то пропала, может, поэтому он стал потом Федором Колунцевым):

«Они привезли рассказы, написанные не грубо реалистично, как писали многие из нас, а изящно, даже изыскано, это были рассказы хорошего вкуса, чего многим недоставало».

...Выслушав Булата, Пастернак не поддержал его, сказав, что нет смысла из университета переходить в Литературный институт, что если у человека есть талант, то он и без Литературного института станет писателем, а если таланта нет, то и никакой Литературный институт не поможет. И еще он назвал Литературный институт гениальной ошибкой Горького. После этой встречи Булат оставил свои мечты о Литературном институте.

Булат был старше своих сокурсников на несколько лет и на целую войну. Естественно, он сразу стал их, как говорят сегодня, неформальным лидером. Особенно близко они подружились с Норой Атабековой, Володей Двораковским, Арой Арутюновой, Вероникой Акопджановой. Все они были преданными поклонниками его поэтического таланта, а особенно Ара Арутюнова. С Арой Арутюновой Булата сближали не только его стихи, но и взаимная симпатия. Булат был хорошим другом, но он уже и тогда не терпел проявлений фамильярности. Впрочем, проявлений таких и не было, что-то в нем было такое, что держало окружающих на определенной дистанции от него. Это что-то не потом появилось, когда он стал популярным, оно было в нем всегда. Казалось, он знал свое предназначение, знал себе цену. В то же время ни тени высокомерия, никакого сознания своей исключительности у него не было никогда. Скорее, какая-то его замкнутость являлась не благоприобретенным качеством, а особенностью характера, полученной с родительскими генами.

Особым прилежанием к учебе Булат не отличался. Но неудачи на экзаменах его не удручали. Даже если он «срезался», он выходил спокойным, невозмутимым и говорил: «Ну, ничего, не получилось, в следующий раз пойдем».

«Филология меня не очень возбуждала, но мысль о том, что я вчерашний фронтовик, что я жив, что мне в связи с этим все дозволено, что очередная пассия не сводит с меня глаз, что вечером мы пойдем с нею в парк Цома офицеров и будем отбивать ноги в танго, фокстроте, в вальсе-бостоне, - мысль об этом очень возбуждала меня».

Впрочем, значительно больше внимания он уделял стихам. У него был стол, сделанный когда-то его дедом, столяром Степаном

Налбандяном. За этим столом, которым он очень дорожил, и впоследствии даже перевез его в Москву, Булат часами просиживал над своими стихами.

«...Пусть этот век и тяжек и кровав,
Но лишь земля, где новый мир рожден
Последний залп отождествит с победой
История по-прежнему права
Багряные полотнища знамен
Сплошной зарей раскинутся по свету».

Он рассылал свои стихи в разные газеты и журналы, но отовсюду приходили отказы.

Спустя годы некоторые из этих стихотворений вошли в хрестоматии...

После первого семестра в группу, где учился Булат, пришли две новые студентки, сестры Галя и Ира Смольяниновы. Это были веселые, жизнерадостные, общительные девушки Их отец, Василий

Харитонович Смольянинов, подполковник, в конце 1945 года был переведен в Тбилиси. Вместе

с ним приехала и его семья: жена - Клавдия Игнатьевна, дочери - Галина и Ирина и сын Геннадий. Булат быстро подружился с сестрами.

Ирина впоследствии так вспоминала свои впечатления от знакомства с Булатом:

«Это был худой, выше среднего роста юноша с жестко вьющимися волосами, большими карими немного выпуклыми глазами под изломами густых бровей.

Кончики губ изогнуты вверх, как бы в лукавой улыбке. Но взгляд не всегда соответствовал ей, скрывая что-то Свое, потаенное. Смеялся он от души, до слез, наклоняясь и смешно потирая нос».

Как-то Булат пригласил сестер к себе домой. В углу стояло пианино, аккомпанируя на котором, Булат стал напевать сестрам какие-то песенки.

Это пианино тетя Сильва выиграла в лотерею. И хотя никто в семье на пианино не играл, выигрыш взяли не деньгами, а самим пианино. Может, Сильва надеялась, что дочь ее Луиза научится играть или младший племянник Виктор. Как бы там ни было, пока они жили вместе, на пианино бренчал только Булат. И когда

все уезжали в Ереван, пианино было оставлено Булату.

В тот день Булат спел много песен. Ира Смольянинова (в замужестве Живописцева) хорошо запомнила одну из этих них:

«Однажды Тирли,
Тирли, Тирли, Тирли
Напал на Цугу,; Цугу, Цугу
И долго Тирли, Тирли,
И долго Цугу, Цугу
Цолбали понемножечку друг друга».

Это была незамысловатая история про двух друзей, которые не могут мирно жить на земле, и лишь перейдя в мир иной (не без помощи друг друга), приходят к взаимопониманию.

А вот как вспоминает о появлении этой песни Вероника Акопджанова.

Вероника Акопджанова

« Тирли, Тирли» - это, между прочим, у меня дома было в первый раз. Это было на какой-то вечеринке, я не помню, какая-то была дата. У нас было пианино, и он сам себе аккомпанировал. А потом эту песенку подхватили, потому что песня очень была хорошая».

Чуть позже появилась песня «Неистов и упрям», которую впоследствии Булат во всех своих выступлениях и интервью называл первой своей песней. И хотя теперь доподлинно известно, что до нее были и другие, она была, действительно, настолько хороша, что как бы их все куда-то отодвинула.

«Я начну с очень давнего времени, с первой своей песни, которая появилась у меня совершенно случайно в 1946 году. Тогда я был студентом первого курса Университета. Я очень гордился своим новым званием... и решил обязательно написать студенческую песню. Ну, по моим представлениям, студенческая песня должна была быть очень грустной, типа «Быстры, как волны, дни нашей жизни, чем дальше, тем ближе к могиле наш путь...».

Но как-то, незадолго до своей смерти, на просьбу своего старого друга Владимира Войновича спеть самую первую песню Булат исполнил «Однажды Тирли,Тирли».

Булат говорил потом, что после «Неистов и упрям» он лет десять песен не писал вообще.

В истории литературы это бывает довольно часто: поэты забывают, не хотят помнить свои ранние вещи. А если они уже

напечатаны, поэт скупает и уничтожает свой сборник (как, например, это было с Некрасовым). Но при этом поэт продолжает писать, не может не писать. Так было и с Булатом. Та же Ирина Васильевна Живописцева, вспоминает, что на протяжении всей учебы в университете, когда они жили вместе, то есть до 1950 года, Булат постоянно сочинял песни. Он сочинял их просто так («Ни кукушкам, ни ромашкам»), сочинял и по разным случаям, например, когда его тесть получил звание полковника, он сочинил по этому поводу песню, где были такие слова:

«...Не на травушку на измятую
В ночь июльскую сгоряча
Звезды падают,
Звезды падают
На твои молодые плеча.
Не на травушку на измятую,
Не пытаясь сдержать свою прыть,
Звезды падают,
Звезды падают,
Успевай эти звезды ловить».

Мы знаем как строго (если не сказать чрезмерно строго) Булат Шалвович относился к своему песенному творчеству. Отчасти это объясняется, наверное, тем, что когда он в конце пятидесятых годов, уже активно, одну за другой, стал писать песни и петь их своим друзьям, некоторые из них считали это каким-то низким жанром, и даже тот же Зураб Казбек-Казиев говорил, что зря Булат занимается этим делом. Да и вообще к гитаре тогда было отношение как к инструменту мещанскому и пошлому. Вот как вспоминает первое свое знакомство с Булатом Окуджава писатель Леонид Жуховицкий:

«Когда выпили и смели с покрытых бумагой канцелярских столов весьма скромную закуску, на дощатый помост вынесли обшарпанный стул, и тут же буднично появился сам исполнитель. Окуджава был очень худ, почти тщедушен. Усики, курчавые волосенки, в лице ничего творческого. Гитара лишь усиливала общее ощущение незначительности и пошловатости»

Правда, когда Булат запел, отношение Жуховицкого к Окуджава стало стремительно меняться:. «Где-то на третьей песне его рым И печальным, как у Блока... ». А когда Булат закончил петь, Жуховицкий был уже близок к обмороку:

Леонид Жуховицкий на открытии

«...Более сильного впечатления от искусства в моей жизни не было ни до, ни после, вообще, никогда».

Однако не все, как Леонид Жуховицкий, сразу приняли эти песни. Некоторых раздражала стремительно растущая популярность их автора. Может быть, это объясняется элементарной завистью к никому неизвестному «выскочке». Так или иначе, недоброжелателям удалось-таки внушить Булату Шалвовичу, что то, чем он занимается, является не вполне полноценным искусством.

Но есть, как мне кажется, и еще одно объяснение «нелюбви» Булата Окуджава к своим песням. Почти все большие художники, работающие в нескольких жанрах, в каком-то из них достигают большего признания, нежели в другом. (Исключений немного, к коим следует отнести, в первую очередь, Пушкина и Лермонтова, проза и поэзия которых любима в равной степени). И, достигнув признания в одном из них, они непременно хотят достичь такого же признания в другом.

Так, слава Высоцкого-песенника была невероятной, и при этом он вполне спокойно мог выслушивать какие-то критические замечания в адрес своих песен, иногда даже сам иронизировал: «Мелодии мои попроще гамм...». В то же время он очень болезненно относился к оценке своего таланта драматического актера. В то же время ему очень хотелось состояться как поэту без музыки, как прозаику.

“ И даже юный пионер мне подает рукой пример…»

Или Другой пример: проза Фазиля Искандера любима всеми. Стихи тоже замечательные, но известны значительно меньше. И ему, как нам кажется, немного за них обидно. Или Владимир Войнович, вдруг не на шутку увлекшийся живописью...

«Ведь неразумных детей матери любят сильнее - они больше других нуждаются в их защитной любви»

(Фазиль Искандер).

Упаси нас бог уподоблять вторую ипостась вышеназванных художников «неразумным детям». Мы сейчас говорим не о качестве, а только о признании...

Так, видимо, и с Булатом Окуджава. Прекрасная его проза не получила такой народной любви, как песни, хотя на прозу он потратил гораздо больше времени и сил. И, наверное, поэтому своя проза

ему была более приятна, чем песни.

Как бы там ни было, но факт остается фактом: Булат

Окуджава часто бывал несправедлив к своим песням. Именно поэтому, возможно, многие прекрасные песни, принадлежавшие перу этого мастера, мы уже никогда не узнаем. Не узнаем только потому, что он не хотел вспоминать какие-то свои ранние песни, считая их слабыми или несерьезными. Люди же, которые их слышали тогда, даже если они сейчас и живы, не помнят этих песен, часто просто потому, что Окуджава пел их, не указывая на то, что автором их был он, а бытовых магнитофонов тогда еще не было. Но может быть, здесь нас ждут еще открытия. Вот, например история, записанная недавно со слов Евгении Васильевны Кобликовой, вдовы калужского писателя Владимира Кобликова, с которым Булат был очень дружен.

...В 1954 году, когда Булат работал в калужской газете «Молодой ленинец», он как-то в гостях у Кобликовых пел под фортепиано разные песни, и в их числе исполнил уже тогда широко известную песню про чемоданчик (спустя много лет она прозвучала в исполнении А.Панкратова-Черного в фильме «Мы из джаза»):

«На попочке стоял чемоданчик,
На полочке стоял чемоданчик
На полочке стоял,
На полочке стоял,
На полочке стоял чемоданчик!..»

Кобликовы понятия не имели о том, что их друг баловался сочинением песен, и когда они вдруг услышали, как он после исполнения этой песни, как бы невзначай, сказал: «Между прочим, эту песню сочинил я, еще в студенческие годы», они были поражены.

Конечно, свидетельство одного человека не может служить достаточным основанием, для того, чтобы считать авторство этой песни установленным. Хотя Евгения Васильевна твердо настаивала на том, что она помнит это очень хорошо потому, что они с мужем были так удивлены, что Булат, оказывается, сочиняет песни, что запомнили это навсегда. Мы знаем, что человеческая память иногда может играть злые шутки со своим обладателем, примеров таких масса, но все-таки сбрасывать такое свидетельство со счетов нельзя.

Может быть, Булат просто пошутил, «разыграл» своих друзей, приписав себе чужую песню? Но уж очень это на него не похоже. Так что, биографам поэта предстоят еще труды не малые...

Впрочем, уже после нашей встречи с Евгенией Васильевной, нам довелось говорить с человеком, который в семидесятых годах

прошлого столетия отдыхал в каком-то пансионате в Тульской области, где был какой-то штатный массовик-затейник, исполнявший под гармошку, в частности, и песню про «чемоданчик». И, как утверждает наш собеседник, этот массовик-затейник говорил, что песня эта принадлежит Булату Окуджава.

...Дружба с Галей Смольяниновой постепенно переросла во влюбленность, и в 1947 году они поженились.

«Глаз озорные глуби.
В улыбку растянут рот.
Все так же надеется,
Все так же любит,
И, значит, не подведет».

А незадолго до этого из карагандинской ссылки вернулась мама Булата, Ашхен Степановна. Последний раз Булат видел ее десять лет назад, еще ребенком, и теперь, встречая ее, он боялся, что не узнает ее. Старшая сестра ее Сильва, в отличии от Ашхен, не была коммунисткой, и хорошо знала цену большевикам. Поэтому она справедливо решила, чтобы не искушать судьбу, спрятать Ашхен подальше, пока о ней все забудут. Ашхен устроили бухгалтером в артель в каком-то захолустье в Армении.

Галина

Забегая вперед, скажем, что Сильва недооценила большевиков. Про Ашхен не забыли и вскоре снова забрали. В 1949 году Ашхен была арестована и по решению Особого совещания сослана в село Большой Улуй Красноярского края на вечное поселение.

«... Чуть за Красноярском - твой лесоповал,
Конвоир на фронте сроду не бывал.
Он тебя прикладом, он тебя пинком,
Чтоб тебе не думать больше ни о ком
Тулуп его жарок, да холоден взгляд...
Прости его мама: он не виноват
Он себе на душу греха не берет –
Он не за себя ведь -
он за весь народ...»

Но до этого Ашхен успела побывать на свадьбе своего старшего сына и познакомиться с новыми родственниками.

Ашхен Степановна Напбандян

После свадьбы Булат переехал в дом Смольяниновых. Семья занимала две угловые комнаты в коммунальной квартире на улице Каспийской. В одной комнате разместились молодожены и младший брат Галины Геннадий, которому было тогда четырнадцать лет, в другой - родители и Ира. Несмотря на такую тесноту и различные неудобства, жили весело и дружно. Семья была музыкальная, все любили петь. И хотя в новом доме пианино не было, зато тесть играл на мандолине, балалайке и гитаре. Он-то и научил Булата играть на гитаре. Теперь Булат стал подбирать мелодии к своим стихам на гитаре.

Василий Харитонович скептически относился к поэтическим опытам Булата. Он считал, что не подобает мужчине выбирать основным занятием стихи. Стихами семью не прокормишь. Но одна песня тестю очень понравилась, и он переменил свое отношение к

творчеству ЗЯТЯ. Это песня «Ни кукушкам, ни ромашкам». С этой песней тоже не все понятно. Сам Окуджава ее датировал гораздо более поздними годами. Но дочь Василия Харитоновича Ирина Васильевна настаивает на том, что эту песню она слышала именно тогда, когда они жили все вместе, то есть не позже 1950 года. Она помнит, что отец похвалил эту песню, «...видимо, содержание затронуло что-то личное, в ней было что-то достоверное и реальное для него..., а хорошую мелодию он всегда чувствовал и ценил». Вот и еще одна загадка для будущих биографов поэта, дипломников и диссертантов...

Вскоре тесть Булата был назначен начальником политотдела строительной войсковой части, и ему была выделена отдельная квартира на улице Бараташвили, возле центрального рынка. В этой квартире у молодых уже была своя отдельная комната.

Ирина Васильевна Живописцева вспоминает:

«Влияние Булата на нас тогда не осознавалось, но оно было сильным, хотя некоторые взгляды его и поступки казались спорными и неприемлемыми, а порой чужими. По всей видимости, для него в нашей семье тоже были сложности».

Поэтому для разрядки копившейся в течении года напряженности, летом молодежь обязательно куда-нибудь уезжала.

После встречи с Пастернаком у Булата и его друзей состоялась еще одна встреча со столичными поэтами. Когда они учились на третьем курсе в Тбилиси приехали Павел

Антокольский, Александр Межиров и Николай Тихонов. Молодые поэты договорились с мэтрами, что те их послушают и пришли в гостиницу.

«Антокольский нас усадил, и, так как я самый лучший был, первый начал читать. Он совершенно не реагировал на мои стихи и, когда я кончил, даже ничего мне не сказал и вообще был очень хмурый. Потом второй читал - тоже никакой реакции, потом третий, и, наконец, дошла очередь Силина. Нам было очень стыдно, что теперь Силин будет представлять нашу группу. И вдруг Антокольский оживился и попросил его повторить еще раз... Теперь, когда я это вспоминаюі я понимаю, что мы-то писали очень плохо, мы писали подражательные стихи, с претензией, а он писал о себе коряво и искренне, о своей жизни, и это была настоящая поэзия. Мы этого тогда не понимали, но вдруг как- то иначе на Силина посмотрели и прониклись нему уважением...»

К сожалению, литературный кружок их вскоре закончил свое существование по не зависящим от них причинам. Кончилось это все очень печально.

Еще до университета Лев Софианиди был посвящен в деятельность так называемой «повстанческой террористической организации «Смерть Берии!»

Булат Окуджава и Павел Антокольский тридцать лет спустя

Душой и активным членом организации была Елка - Элла Маркман. Придумывались разные безумные варианты теракта, вплоть до такого: Елка специально заражается «нехорошей» болезнью, а потом завлекает Берия и заражает его! Когда-то дачи Маркман и Берия находились по соседству и тогда, хотя бы теоретически, можно было вынашивать планы физического уничтожения Лаврентия. Теперь же, когда Берия был уже в Москве, а у Елки и дачи-то уже не было, все это выглядело совершенным безумием.

Днем заговорщики переписывали каждый по двадцать-тридцать экземпляров листовок:

«Граждане, оглянитесь вокруг! Посмотрите, что делается со страной, с нашей Грузией. Лучшие люди расстреляны или погибли в застенках НКВЦ. Мерзавцы в синих фуражках полностью распоряжаются жизнью каждого из нас... », а ночью их развешивали на стенах домов, заборах и деревьях.

К 1946 году деятельность организации сама по себе прекратилась, но в апреле 1948 года по доносу одного из членов

организации всех арестовали. Руководитель организации Теймураз Тазиш- вили в своем последнем слове на суде сказал: «Запомните, на земле или - мы, или - вы, вместе нам нельзя...». Элла Маркман свое последнее слово превратила в блестящую обвинительную речь против Сталина и Берия. Все члены организации получили сроки по двадцать пять лет. Парадоксальность ситуации заключается в том, что тот, смерти которого они так настойчиво добивались, спас им жизнь: В 1948 году НКВД было реорганизовано в МТБ, и ставший во главе его Лаврентий Берия отменил в стране смертную казнь. Отменил ненадолго, всего лишь на год с небольшим, но этого срока оказалось достаточно, чтобы сохранить жизни нашим заговорщикам.

Белла Ахмадулина, 1962 г.

Арестовали и Леву с Шурой, хотя Софианиди никакого отношения к организации не имел, не говоря уже о Шуре Цыбулевском, которого политика не интересовала вообще, его интересовали только стихи. Тем не менее, они получили по 10 лет каторжных работ за недоносительство.

Прошли годы, и из действующих лиц в Тбилиси остались только Шура Цыбулевский, Гия Маргвелашвили и Элла Маркман. Они продолжали любить друг друга и своих друзей, осевших в столице. Появились у них и новые друзья в Москве. Из-за одного из этих новых друзей Цыбулевского и Маргвелашвили в Тбилиси называли «БЕЛЛАгвардейцами».

Я знаю, всё будет: архивы, таблицы...
Жила-была Белла... потом умерла...
И впрямь я жила! Я летела в Тбилиси,
где Гия и Шура встречали меня.
О, длилось бы вечно, что прежде бывало:
с небес упадал солнцепек проливной,
и не было в городе этом подвала,
где б Гия и Шура не пили со мной.
Как свечи мерцают родимые лица.
Я плачу, и влажен мой хлеб от вина.
Нас нет, но в крутых закоулках Тифлиса
мы встретимся: Гия, и Шура, и я.
Счастливица, знаю, что люди другие в другие помянут меня времена.
Спасибо! - Ца тщетно: как Шура и Гия,
никто никогда не полюбит меня.

Александр Семенович Цыбулевский умер в 1975 году в возрасте 47 лет, оставив после себя две маленькие книжки прекрасных стихов, изданные в Тбилиси. Третья вышла в Москве уже после смерти поэта. Последние годы Александр Семенович сильно пил. Получить реабелитацию ему помог Булат Окуджава.

Лев Христофорович Софианиди после возвращения из заключения работал сельским учителем. В заключении он пристрастил

ся к наркотикам. Умер Лев Христофорович в 1977 году в возрасте 49 лет. «Поэт - душой, философ - умом, лицом - Христос», - напишет о нем его товарищ по лагерю Л.К.Ситко.

Через какое-то время после ареста Софианиди и Цыбулевского куда-то пропал и Алексей Силин. На этом поэтические сообщества прекратили свое существование. Всех участников «МОЛа», кто не уехал тогда, в 1945 в Москву, вызывали в Большой дом (Тбилисское МТБ), допрашивали. Рома Чернявский, предупрежденный Крейтаном о возможном аресте, был настолько напуган, что сжег все свои стихотворения. В конце концов он сошел с ума.

Булата тоже вызывали, предупреждали, что если он не хочет повторить судьбу отца, то пусть прекратит всякие поэтические сборища. Но предъявить ему было нечего - Булат давно был женат, жил в семье и ни о каких террористических организациях не знал.

После окончания третьего курса отец достал для Ирины и Гали с Булатом путевки в дом отдыха в Кобулети. Молодежь прекрасно провела 12 дней, приехали загоревшими и отдохнувшими.

Теперь единственным поэтом, с которым Булат встречался, был Галактион Табидзе, великий поэт и друг другого великого поэта, Бориса Пастернака, с которым Булат общался в 1946 году. Галактион был родственником Булата, мужем его родной тети Ольги Окуджава.

Галактион Табидзе, 1909 г.

...Галактион Табидзе заканчивал ту же кутаисскую гимназию, что и почти все дети Степана Окуджава. В гимназии Галактион подружился со вторым сыном Степана Васильевича Михаилом. Михаил в гимназии считался одним из лучших учеников: его сочинения по литературе обсуждались на педагогических советах, учитель математики предсказывал ему блестящее будущее. «К

вам придут имя, известность, успех», - говорил он Михаилу. Но Михаил выбрал другой путь. На этом пути он тоже добился больших успехов, к нему пришли и имя, и известность, но кончился этот путь страшными пытками и смертью от руки палача...

После окончания с золотой медалью гимназии Михаил поступает в Московский университет на юридический факультет.

В 1914 году, после окончания университета, Михаил Окуджава возвращается в Кутаиси и делает первые шаги в адвокатской деятельности. Его друг Галактион Табидзе в это время выпустил первую книгу своих стихов, сразу же сделавшую его знаменитым. Михаил был в таком восторге от стихов Галактиона, что называл его «нашим Данте». Перед первым выступлением Миши в суде в роли адвоката Галактион писал в письме своей невесте Оле Окуджава:

«Сегодня я и Васико обедали вместе, между прочим, он сказал, что его защитником в суде должен выступить Миша. Это будет дебютом Миши. И я, и ты, все должны присутствовать».

В 1915 году, несмотря на сопротивление матери девушки, Ольга Окуджава и Галактион Табидзе поженились. Теща считала своего зятя праздным и ветреным, и не без основания. Галактиона земляки очень любили и всюду старались угостить. Несмотря на полунищее существование, жизнь его была сплошным праздником. На поэтическом состязании в 1921 году Галактион был признан «королем поэтов».

Михаил Окуджава с сыном Гиви

...Но все это было давно, четверть века назад. Столько воды утекло с тех счастливых времен. Нет уже в живых ни его друга Михаила, ни его жены Ольги, ни братьев их: Владимира,

Александра, Николая, Шалвы... Нет уже и двоюродного брата самого Галактиона поэта Тициана Табидзе. Никого нет...

...Ольгу Окуджава расстреляли И сентября 1941 на окраине города Орла, в Медведевском лесу. Вместе с ней были расстреляны легендарная «эсэрка» Мария Спиридонова, сестра Троцкого Ольга Каменева, известный болгарский революционер Христиан Раковски, брат «железного наркома» Сергей Ежов и многие другие. Ничего этого Галактион не знал. Просто он в какой-то момент перестал получать от жены письма. А до этого много лет ее письма как-то скрашивали его беспутную жизнь.

В первый раз Ольгу сослали еще в 1928 году. Находясь в ссылке, Ольга беспокоилась за Галактиона:

«...Милый Gail, целую, целую тебя без конца! Вышла твоя

книга? Как ты себя чувствуешь? Какое настроение? Gail мне страшно! Вдруг ты пьешь! Gail - не делай этого, именно в этот момент. Gail прошу тебя! Если что получишь, распредели, чтобы немного поддержать себя...». (20.12.29)

Ольга Окуджава

После той ссылки Ольга вернулась, и жизнь как-то наладилась. Незадолго до самого конца Шалва мечтает в письме к сестре:

Справа стоит Галактион Табидзе; сидят Шалва, Оля, Мария Окуджава

«Дорогая Оля!
В моих планах партийной и культурной работы на строительстве Уралвагонзавода большое место отводится литературе, музыке. Я намереваюсь в ближайшее время организовать ряд литературных вечеров с приглашением Толстого, Антокольского, Тихонова и др. Очень, очень хотелось бы услышать голос всеми любимого Галактиона. Я собираюсь его пригласить в Н.-Тагил, чтобы его лирика звучала в Уральских лесах. Если удастся, то думаю пригласить Орджоникидзе, чтобы еще раз послушать стихи Галактиона.

Представляешь, какая будет радость?
13 сентября 1935г.
Н-Тагил»

Конечно, мечтам этим не суждено было осуществится.

Пока Ольга была с Галактионом, она могла как-то сдерживать Галактиона в рамках приличия. Она была ему и женой, и нянькой и другом. Но вскоре ее снова забрали, теперь уже навсегда.

«Светящийся глазок последнего вагона растворился в ночи, перед Галактионом все еще маячило за решеткой товарного вагона растерянное и бледное лицо Ольги... Высокий, слегка согбенный, напоминая обиженного подростка, Галактион долго еще стоял неподвижно, не в силах стронуться с места, хотя уже давно смолкли испуганно-сдержанные причитания, и спазматический кашель кого-то из провожающих. Медленно побрел, наконец, он вдоль товарной станции в сторону города...

Их комната, совсем еще недавно такая уютная и обжитая,

теперь казалась нестерпимо пустой. Галактион подошел к буфету, нетвердой рукой налил в стакан водки. Из настенного зеркала глянуло на него его собственное, но такое незнакомое, без кровинки, лицо, с мокрыми, прилипшими ко лбу волосами (шляпу он, видимо, обронил где-то по дороге). Каждая вещь в комнате напоминала о том, что здесь нет больше Ольги, Олюшки...».

(Нугзар Цховребов. Синие кони.)

Галактион Табидзе

« ...И кажется:
С ее глазами мгла
И песнь, и боль,
И месть мою взяла.
И вслед за ней вся жизнь моя ушла –
Из дому вышла и не возвратилась».
Галактион Табидзе

Он постоянно получал от нее письма, в которых она умоляла его ответить хоть на одно из них. Он отвечал, но его письма до нее не доходили, и она продолжала умолять его откликнуться и угрожала, что тоже перестанет писать ему.

Наконец, ее письма перестали приходить. Последнее ее письмо он получил в начале 1942 года, когда ее уже не было в живых. Теперь Галактион каждый день ходил в НКВД, носил ей передачи, спрашивал, когда ее выпустят. Там над ним посмеивались - он все время был пьяный.

.. .Существует легенда (а может быть и быль), согласно которой в марте 1959 года, когда Галактион лежал в больнице, к нему пришли незваные гости с предложением подписать бумагу, клеймящую Бориса Пастернака как изменника родины. Рассказывают, что вместо ответа Галактион, раскинув руки, как птица крылья, крикнул: «Я лечу к тебе, Оля» и выбросился из окна.

Булат часто навещал своего дядю Галактиона, показывал ему свои стихи, разговаривал о поэзии. Правда, навещать нужно было с раннего утра, пока Галактион бывал еще более или менее трезв.

Как-то Булат предложил Галактиону свои услуги в переводе стихов Галактина на русский язык.

« ...он спросил меня:

- А сколько строк в день ты сможешь перевести? Десять сможешь?

- Конечно!

- А двадцать?
- Конечно!
- А сто?!
- Смогу!

После этого он потерял ко мне интерес как к поэту».

На каникулах после четвертого курса Булат с Галиной побывали в Москве. В Москве жила тетя Булата, тетя Маня, единственная из всех братьев и сестер Окуджава, избежавшая репрессий. Там он снова увиделся и со своим братом Виктором.

Оставаться в Тбилиси после окончания университета Булату не хотелось, но в Москву путь ему был заказан, поэтому на распределении на вопрос, где бы он хотел работать, Булат написал: «в любом месте центральной части России».

Мария Окуджава

В 1950 году Булат с Галиной оканчивают университет и уезжают по распределению в Калугу. На этом тбилисский период жизни Булата Окуджава заканчивается. Жизнь ему преподаст еще много уроков, но это уже другая история.

«Ты веди нас по жизни строго,
жаркой молодости дорога,
чтобы не было на пути
ни расслабленности до срока,
ни отчаянья впереди...»